

Т. А. Бернштам

Обряд «крещение и похороны кукушки»

В традиционном представлении русского народа, как, впрочем, и многих других народов, четко выражено членение года на две половины, разделяемые датами зимнего и летнего солнцеворотов; границы же «переходных» сезонов, приуроченность и разработанность сходных по смыслу календарных обрядов варьируют в разных областях расселения русских, что отражает подвижность народного сознания, обусловленную множественностью факторов, влиявших на него.

Весеннее время года, по народным представлениям, длится с 1 марта по конец июня, оно делится на два периода, из которых первый по существу еще не весна, а ее призыв, заклинание и подготовка к ней; собственно «весну красну» встречают во второй половине апреля—начале мая. Подвижной границей между этими двумя периодами является пасхальная неделя, а со следующей за ней Фоминой недели, «красной горки» или весеннего Николы повсеместно начинались массовые обряды встречи весны, ведущую роль в которых играла молодежь, проводившая открытые гулянья, игрища, хороводы. Насыщенность и размах весенней обрядности достигают наивысшей степени к летнему солнцевороту, отмечаемому датами 24—29 июня. Этот рубеж связывался с наступлением самого короткого, наполненного земледельческими работами, «межонного» времени — лета; во многих областях с Петрова дня начинались летние гулянья.

Среди разнообразных локальных разновидностей весенних обрядов русского населения (исключение составляют некоторые северные районы) существуют обряды ритуальных похорон, большинство которых ученые справедливо связывают с древним земледельческим культом умирающей и воскресающей растительности. Однако наряду с этим отмечается сложный, многопластовый характер подобных обрядов, составные элементы которых, а также мифологические (или иные) истоки, отразившиеся в названиях объектов похорон (Кострома, Чехоня, Купало, Горюн), до сих пор не изучены или не получили удовлетворительного объяснения.

В ряду этих ритуальных похорон находится и обряд, который известен в научной литературе под названием «крещение и похороны кукушки».

1

Толчком к настоящему исследованию послужили редчайшие экспонаты — изображения двух «кукушек» в гробиках, хранящиеся в фондах МАЭ (кол. № 2292, поступили в 1914 г.). «Кукушки» — антропоморфные куклы, туловом которых является стебель травы «заря» (вид

травы «кукушкины слезки»), — наряжены в платье с пелериной из розовых лоскутов и в головной убор типа фаты из кусочков тюля (рис. 1). Обе кукушки сделаны в одной семье из г. Болхова Орловской губ. (жена делала кукушку, а муж гробик) в начале XX в. По сообщению Н. П. Гринковой, в 40-е годы XX в. в Московском музее народов СССР (б. Центральный музей народоведения) находился гробик с куклой-кукушкой, наряженной в тряпочки, «как покойница».¹ Известно, что со-

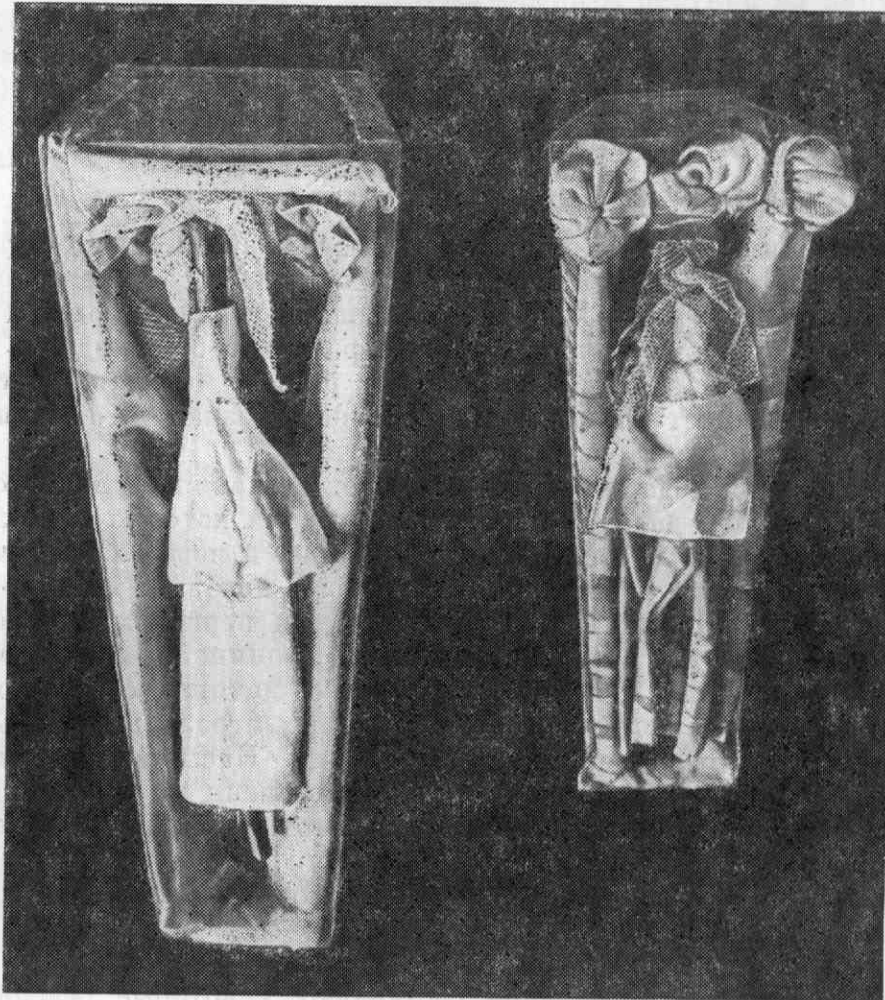

Рис. 1. Изображение двух «кукушек» в гробиках. Кол. № 2292.

хранившаяся часть фондов реорганизованного впоследствии музея поступила в Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде. В настоящее время в экспозиции Русского отдела ГМЭ представлена «кукушка в гробу» (Д-3001), тулово которой сделано из стебля с корнем травы «кукушкины слезки»; кукушка в крестьянском костюме, с металлическим образком. До настоящего времени изображения кукушек из МАЭ нигде не публиковались и не привлекались для научного исследования. В специальных работах, посвященных интересующему нас обряду, имеются 4 иллюстративных изображения кукушек: фотография и два рисунка в статье Р. Кедринной (Козельский у. Калуж. губ.) и одна фотография в сообщении Е. Елеонской (Перемышльский у.

¹ Гринкова Н. П. Обряд «вожделения русалки» в селе Б. Верейка Воронежской обл. — СЭ, 1947, № 1, с. 180.

Калуж. губ.)² Два рисунка из статьи Р. Кедринной репродуцированы в книге В. К. Соколовой.³ Кукушки из МАЭ не только дополняют известные изображения, но и представляют еще один район бытования обряда — Орловскую губ.

В этнографической литературе XIX—начала XX в. сведения об обряде с кукушкой довольно многочисленны, но в большинстве своем скудны: в публикациях XIX в. они зачастую сводятся к довольно краткому описанию обряда и несколько голословной его интерпретации.⁴ В начале XX в. появляются подробные записи Р. Кедринной, В. Харузиной, Е. Елеонской, А. Носовой и С. Сухотина, составившие тематический цикл в «Этнографическом обозрении»;⁵ статья Р. Кедринной содержала также ряд обобщений и выводов о возможном происхождении обряда, сделанных ею на основе опубликованных материалов и собственных записей; Д. К. Зеленин в «Очерках русской мифологии» привлек ряд дополнительных данных об обряде с кукушкой.⁶ В упомянутой книге В. К. Соколовой используются опубликованные сведения и архивные источники (6 записей), делается попытка определить происхождение обряда и его место в весенне-летней календарной обрядности русского населения.

Предлагаемое исследование строится на известных опубликованных (24 описания обряда и песни) и доступных архивных материалах (11 записей),⁷ в целом представляющих состояние обряда с «кукушкой» в период с середины XIX по начало XX в.

Обряд, так или иначе связанный с названием «кукушка», был зафиксирован в середине XIX—начале XX в. на территории 16 уездов в пределах 4 губерний: Калужской (Калужский, Козельский, Перемышльский, Мещовский, Жиздринский), Курской (Белгородский, Дмитриевский, Тимский), Орловской (Болховский, Брянский, Орловский, Труб-

² Кедрина Р. Е. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством. — ЭО, 1912, № 1—2 (далее: Кедрина), с. 101—139, рис. 1; с. 101, рис. 2; с. 103, рис. 3; с. 105; Елеонская Е. Н. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губ. — Там же (далее: Елеонская), с. 146—154, илл. на с. 151. «Кукушка» ГМЭ — приобретение Е. Н. Елеонской в д. Шамордино Перемышльского у. Калужской губ. в 1911 г.

³ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX—начало XX вв. М., 1979, с. 201.

⁴ Снегирев И. П. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1837 (далее: Снегирев); Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. СПб., 1885 (далее: Сахаров); Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обычаях, обрядах... Т. 1. СПб., 1900 (далее: Шейн); Кашкаров В. М. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии. — Калужская старина, 1903, т. 3 (далее: Кашкаров); Леонид, иером. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей. — ЧОИДР, 1862, кн. 2; Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ. Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии. — Сб. II отд. Академии наук, СПб., 1904, т. 76 (далее: Халанский); Иваненко Н. Этнографические материалы из Орловской губ. — Живая старина, 1910, № 4 (далее: Иваненко); Добровольский В. Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии. — ЭО, 1894, № 3 (далее: Добров., 1894); Красноженова М. В. Из народных обычаев крестьян д. Покровки. — Изв. Красноярск. отд. Вост.-Сиб. отд. РГО, Красноярск, 1914, т. II, вып. 6 (далее: Красноженова) и др.

⁵ Кедрина; Елеонская; Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губ. — ЭО, 1912, № 1—2 (далее: Харузина), с. 140—145; Носова А. Сообщение. — Там же, с. 144—145 (далее: Носова); Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев Тульской губ. — Там же (далее: Сухотин), с. 98—101.

⁶ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пгр., 1916 (далее: Зеленин, 1916), с. 269—276, а также список опублик. источн., № 12—15.

⁷ Архив ВГО, р. 15, № 51, 64, 65; р. 19, № 10, Калужск., Курск. губ. (далее: ВГО); Архив ГМЭ, ф. 7, № 520, 914, 976, 1089, 11445, 1155, 1223, Калужск., Орл. губ. (далее: ГМЭ).

чевский, Карачевский, Дмитровский), Тульской (Веневский, Новосильский). Названия всего обряда в целом различались даже по уездам одной и той же губернии; все же наиболее характерным было название «крестить (кстить) кукушку». Из других названий отметим: «хоронить кукушку» (с. Овстуг Брянского у. Орл. губ.), «крещение и похороны кукушки» (Новосильский у. Тульск. губ.), «замечать и крестить ку-

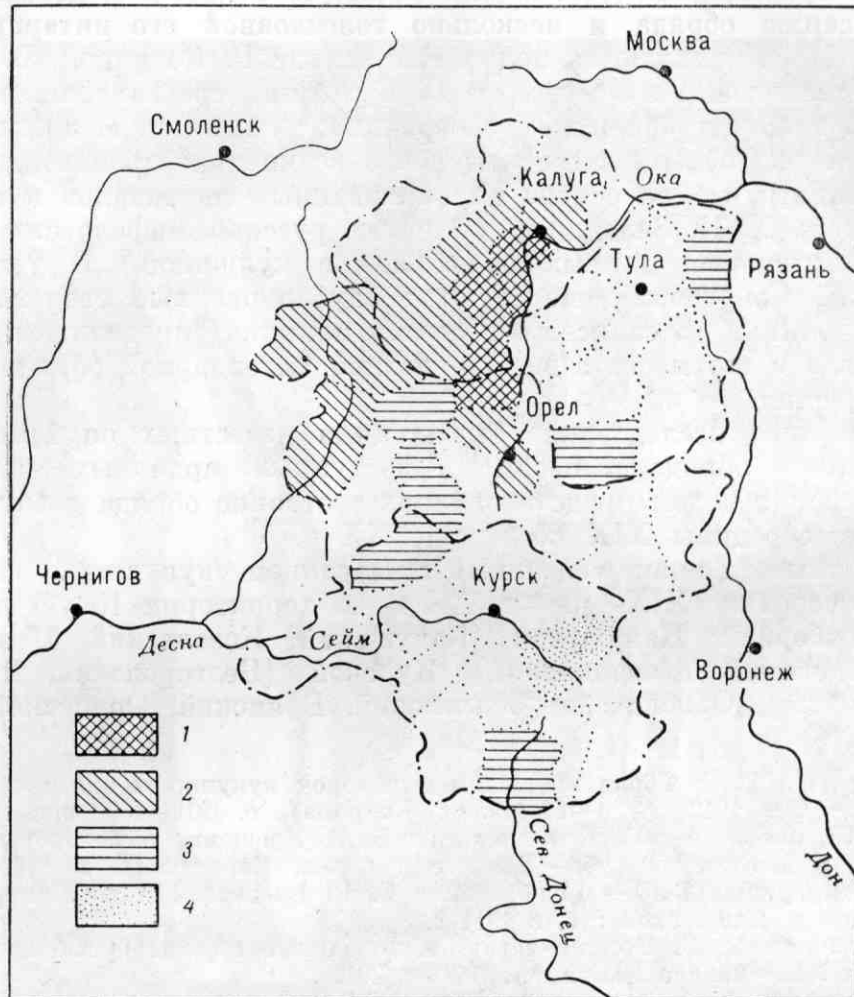

Рис. 2. Ареал обряда «крещение и похороны кукушки».

1 — похороны, вырывание «кукушки», кумление; 2 — похороны «кукушки», кумление; 3 — кумление; 4 — гулянье молодежи, связанное с кукушкой.

кушку» (с. Кочеты Новосильского у. Тульской губ.), праздник «кукушки» (Трубчевский у. Орл. губ.), «кукушки» (Орл. губ.). По разработанности обряда в пределах его ареала мы выделили 4 группы районов (см. рис. 2, карту). Дополняя легенду к картограмме, можно сказать, что наиболее полно обряд был представлен в компактной зоне, расположенной в верховьях Оки и частично Десны, что в административном отношении соответствовало четырем юго-западным уездам Калужской губ., двум западным и двум центральным уездам Орловской губ. (1-я и 2-я группы). К югу и востоку от этой зоны наблюдается постепенное сокращение обрядовых действий с кукушкой, исчезновение кукушки — ритуального предмета, но устойчиво сохраняется название «крещение кукушки» (кумление) вплоть до восточных уездов Тульской и Курской губ., т. е. до верховьев Дона и Северного Донца (3—4-я гр.).

1-я и 2-я группы районов дают возможность выявить структуру обряда. Она состоит из пяти последовательных этапов: изготовление кукушки, выбор места и его оформление для «крещения кукушки», «крещение кукушки — кумление», похороны, трапеза с ритуальной пищей, вырывание и дальнейшие действия с кукушкой.

Развернутый обряд совершался в течение нескольких (от 2 до 3) дней, а иногда первые 4 этапа были отделены от последнего более значительным временем.

В выделенной нами компактной зоне бытования обряда изготовление, «крещение кукушки» и похороны происходили на вознесенье (или накануне), т. е., учитывая подвижность пасхальной недели, в течение середины мая — середины июня. Вырывание кукушки (там, где оно было) происходило либо на другой день вознесенья, либо на троицын (духов) день, в последнем случае примерно через неделю. В ряде местностей весь обряд совершался либо на вознесенье, либо на троицын (духов) день и длился от 1 до 3 дней. Даже там, где от обряда осталось одно «крещение — кумление» или не было зафиксировано никаких отчетливых обрядовых действий, заметны следы былой приуроченности каких-то этапов обряда к вознесенью — троицыну — духовому дням (и даже Петрову дню): в некоторых местностях Орловского у. девушки считались кумами с вознесенья до духового дня;⁸ в Новосильском у. (Липки), где обряд был почти полностью утрачен, тем не менее происходило два гулянья молодежи: первое под названием «крестить кукушку» — на вознесенье, второе — «хоронить кукушку» — на троицын или Петров день; в Дмитровском у. Орловской губ. на духов день тоже происходило гулянье молодежи.⁹ В некоторых районах обряд приурочивался к Николину дню (9 мая), или близкому к нему по времени дню жен-мироносиц (конец апреля — первая половина мая); в таком случае говорили, что собирались «кстить кукушку», когда первый раз раздавалось ее кукованье.¹⁰

Обряд с кукушкой являлся одним из женских весенних обрядов. В кратких и обобщенных его описаниях говорится об участии всех женщин села, однако даже эти сведения сопровождаются непременно подчеркиванием особого участия девушек: «одни женщины и преимущественно девушки»; «все женщины и девушки»; «все поселянки», но из их среды две девушки или молодые женщины ищут траву «кукушку».¹¹ Обязательное и повсеместное исполнение обряда девушками, о чем свидетельствуют все материалы, казалось, представляют обряд как девичий, однако для компактной зоны развитого обряда характерно было участие в нем и другой возрастной женской группы — молодежи.

Все же в описываемом обряде видна ведущая роль группы девушек, которые производили все основные действия; более того, обряд не имел места, если в селе «не было девушек» или что-то им мешало участвовать в обряде (болезнь, траур и т. п.). Молодичи не принимают никакого участия в обряде кумовства и крещения кукушки, но присутствуют при похоронах и вырывании ее (Калуж. губ.), либо они могут только помогать искать траву или делать кукушку (Орл., Курск. губ.). Единичны свидетельства о присутствии при исполнении обряда девочек (Орл. губ., Яковлевская вол.); в г. Болхове девочки наряду со взрослыми девушками и одновременно с ними устраивали свои «похороны кукушки»;

⁸ ГМЭ, 1089, л. 18—19.

⁹ Елеонская, с. 146—147; Иваненко, с. 334.

¹⁰ Шейн, с. 343; Сахаров, с. 177; Сухотин, с. 98; ВГО, р. 19, № 10, л. 4; ГМЭ, 1223, л. 4 об., 520, л. 36.

¹¹ Сахаров, с. 177—178; ВГО, р. 15, № 51, л. 6; № 64, л. 11—11 об.; Шейн, с. 342.

в начале XX в. это была, скорее всего, обычная подростковая репетиция будущего серьезного обряда или игра.

О серьезности, тайности обряда с кукушкой говорят все подробные источники: мужчины, в первую очередь парни, не должны были присутствовать при нем и знать о месте «крещения» и захоронения кукушки. «Девушки, прежде чем приступить к выносу (кукушки, — Т. Б.), высматривали, свободен ли путь... Возвращались, если издали видели парня. Шли же обыкновенно задворками, избегая встреч»; «отношение крестьянок к обряду самое серьезное, его старательно скрывают, обставляя большой таинственностью».¹² Поэтому сведения о совместном исполнении обряда девушками и парнями или «всеми желающими» отражают результат деформации обряда, о чем говорят и конкретные факты: в некоторых южных местностях Орловской губ. и в Новосильском у. Тульской губ., где девушки и парни «крестили кукушку», никаких обрядовых действий, даже кумления, уже не существовало, а молодежь просто водила хороводы, «скакала» и пела песни. И, наконец, в Карачевском у. Орловской губ., по утверждению В. Добровольского, «крестили кукушку» мальчики (услышав первый раз ее кукованье), т. е. менялись крестами и таким образом братались.¹³

Рис. 3. «Кукушка» в подвенечном уборе.

Своеобразно продолжалась жизнь этого обряда у населения Курск. губ., переселившегося в конце XIX в. в Томскую губ.: в обряде «крестить кукушку», происходившем на вознесенье, казалось, принимали участие девушки и парни, но, по видимому, совместной была только трапеза в доме после обряда, так как кумились вокруг кукушки только девушки. Какой-то отголосок участия в обряде молодых отразился, на наш взгляд, в том факте, что общая еда происходила в доме, где «есть молодая женщина, согласившаяся приготовить обед из принесенных продуктов».¹⁴ В то же время в Орловской губ. (Дмитровский у.) в кумовстве могли участвовать и парни, но складчина, обрядовая еда и наряжение кукушки были прерогативой исключительно девиц.¹⁵

Источники говорят об исполнении обряда всеми девушками (молоди-

¹² Харузина, с. 142; Кедрина, с. 108.

¹³ Добров., 1894, с. 89.

¹⁴ Красноженова, с. 82.

¹⁵ Иваненко, с. 327—328.

цами) одного села; исключение составляют два свидетельства из Болховского у.: в г. Болхове обряд совершался «по улицам», а в некоторых деревнях этого уезда, где в обряде принимали участие парни, допускались девушки соседних сел (а чужие парни только в том случае, если приносили водку).

Обратимся к анализу этапов обряда с кукушкой.

Изготовление кукушки. Материал дает возможность выделить несколько форм изображений — трава-кукла, чучело птицы, тряпичная кукла, ветка, букет, венок, шалашик, которые имеют один устойчивый признак — все они носят название «кукушка». На территории зоны развитого обряда в подавляющих случаях для изготовления кукушки использовали траву «кукушкины слезки» (Калуж., Орл., Тульск. губ.) или «зарю» (Болховский у. Орл. губ.;¹⁶ из «зари» сделаны и «кукушки» из фондов МАЭ); по существу это местные названия одного вида растения из семейства гвоздичных («кукушкин цвет»), иногда его еще называют «дремой», «кукушкой», «зорькой». Трава растет преимущественно на полянах в лесах, на болоте; в южных районах и на Украине цветет с конца мая по конец июля.¹⁷ У курских переселенцев в Томской губ. название «кукушкины слезки» носил цветок ириса.

Место, где растет трава, искали заранее: в «рощах около полей», в лесу «на ржавчике» — болоте. Траву вырывали с корнем и приносили домой или изготавливали кукушку на месте совершения обряда. В первом случае довольно скрупулезно воспроизводилось антропоморфное изображение — кукла, которая облачалась в специально и заранее сшитый костюм. Большинство записей и три опубликованных рисунка представляют одежду кукушки как девичий наряд: сарафан, рубаха, платок. В Болховском у. кукушке шили наряд, «какой носят в этой местности», тоже явно девичий, поскольку рубашка отделялась кружевами и лентами; наряд кукушек из МАЭ представляет собой род венчального белозеро-розового платья, что подтверждается фатой на голове (рис. 3). Если кукушка изготавливалась в лесу, то на нее либо надевали принесенный наряд, либо украшали цветами, цветными лоскутками, лентами, кружевами, а иногда «косниками» (лентами из косы), бусами.¹⁸ Следует подчеркнуть, что подобные украшения были атрибутами девичьего весеннего праздничного наряда, т. е. наряда девушек-невест — группы, достигшей брачного возраста (рис. 4).¹⁹ Отметим еще две важные детали: 1) в Калужской губ. в одежде кукушки обязательно присутствует *красный* цвет — красный сарафан и платок, травку или корень «пеленали» в красный лоскут, траву украшали красными лентами, пестрые лоскутки всегда содержали красный цвет, из травы «кукушкины слезки» сплетали венок и перевязывали его красной лентой;²⁰ 2) приготовленную кукушку одевали как девушку-невесту-покойницу, что явствует из целого ряда замечаний: «кукушку одевали в саван. . . , причем освобождали руки, чтобы скрестить их на груди. Опускали только одну подробность из настоящих похорон: каждому умершему непременно кладут в гроб

¹⁶ Харузина, с. 140; ГМЭ, 914, л. 21.

¹⁷ Носаль М. А., Носаль И. М. Лекарственные растения и способы их применения в народе. Киев, 1958, с. 148; Попов А. П. Лекарственные растения в народной медицине. Киев, 1970, с. 64.

¹⁸ ВГО, р. 15, № 10, л. 4; ГМЭ, 976, л. 20; 1145, л. 4 об., 1155, л. 34; Красножелезова, с. 82 и др.

¹⁹ Девушки д. Шамордино Перемышльского у. Калужской губ. в праздничных нарядах (фототека ГМЭ, № 528 «ил»). В руках у девушек, судя по всему, трава «кукушкины слезки» — фотография сделана Елеонской в том селе, где ею записан обряд с «кукушкой».

²⁰ Кедрина, подпись к рис. 1, с. 101 и 102; Кашкаров, с. 29–30; Сахаров, с. 178 и др.

камень, а кукушке не клали», надевали рубашку, сарафан, пояс, платок, «фартука не надевают, так как эта фигура должна означать покойницу, а в фартуках не хоронят». Обряжание кукушки в районах с развитым обрядом сопровождалось причитаниями.²¹ Антропоморфную кукушку укладывали в гроб, либо специально изготовленный и по тем вре-

Рис. 4. Девушки из с. Шамордино Перемышльского у. Калужской губ. в праздничных нарядах. ГМЭ, № 528 «ил».

менам дорого стоивший, до 1 руб. (поэтому его сохраняли и в землю зарывали одну кукушку), либо в любую коробочку. Заслуживают внимания единичные свидетельства об изготовлении «покойницы» из чучела птицы, их всего четыре.²² Во всех случаях в наряде кукушки-птицы присутствуют также элементы девичьей праздничной одежды или красный цвет. И только Кедрина сообщает мнение пожилых женщин, что «настоящую птицу-кукушку» всегда одевали в черный платок, белую ру-

²¹ Харузина, с. 141—142; Елеонская, с. 152.

²² Сахаров; Снегирев; Кедрина; ВГО, р. 15, № 10, л. 4.

башку или темный сарафан, потому что кукушка — вдова.²³ На фоне остального материала, в том числе и собранного самой Кедринной, это заявление нам кажется сомнительным, возможно поздним переосмыслением обряда пожилыми женщинами. В г. Жиздра Калужской губ. старуха, которой в начале XX в. было 76 лет, вспоминала, что «травку кукушку одевали как девочку», что опять-таки совпадает с общими данными.²⁴

Последний факт по-своему очень интересен. Одежда «кукушки-девочки» (если, конечно, старая жительница не имела в виду девушку) должна была отличаться от наряда девушки-невесты, но в исследуемом регионе переход девочки-подростка в совершеннолетие происходил в возрасте 11—14 лет и сопровождался обрядом «скакания в поневу»: вскочить — значит объявить себя невестой. Правда, после этого невесты еще какое-то время повседневно носили сарафан или рубашу, но обязательно перепоясывались.²⁵ Среди наших материалов имеются два кратких замечания, что на кукушку надевали белую рубашку;²⁶ по такому тексту трудно составить истинное мнение об одежде и ее поло-возрастной функции, но этот факт мы будем иметь в виду для дальнейших рассуждений.

Выбор места для «крещения кукушки». Место тоже выбирали заранее, но обычно обряд производился на одном и том же месте; меняли тогда, когда замечали, что оно обнаружено кем-нибудь, кому не полагалось об этом знать. Чаще всего «крещение» происходило под березой: кукушку сажали на ветку, ставили под деревом; в тех случаях, когда кукушка делалась прямо в лесу в виде букета, в него наряду с травой «кукушкины слезки» и цветами входили и березовые ветви, или она вся делалась из березовых веток в виде венка.²⁷

Иногда кукушку клали под деревом на разостланный платок или покрывали платком.²⁸ Часто делали над кукушкой «шалашик»: свивали две ветви берез или орешника и покрывали их платком; нагибали и связывали лентами верхушки двух березок, а сверху накидывали цветной платок; на связанный из берез венок навешивали полотенца; втыкали крестообразно в землю дуги, ветки и покрывали их холстом, тряпками, цветами и травкой.²⁹

Крещение кукушки — кумление. В районе развитого обряда этот этап не зафиксирован только в одной записи — из г. Болхова, хотя название «крестить кукушку», скорее всего как общее для обряда в целом, существовало. Не сохранилось кумления, как мы уже говорили, в Липках Новосильского у. Тульской губ. Во всех остальных записях обряда, даже в самых сокращенных его вариантах, и там, где отсутствовала сама кукушка, обязательным было кумление, которое называлось при этом «крещением кукушки». В немногих записях существуют указания и на крещение самой кукушки в лесу, например в Жиздринском у. накрытую платком кукушку 3 раза перекрещивали. В тех случаях, когда над кукушкой был шалаш, кумились под ним, т. е. под «покрытием». Девушки Томской губ. покрывались одним большим платком.³⁰ В подавляющих

²³ Кедрина, с. 102.

²⁴ Елеонская, с. 154.

²⁵ Надеждин. О старинном крестьянском обряде надевания поневы в Богородицком у. Тульской губ. 20—40 гг. XIX в. — ВГО, р. 42, № 45, л. 1—2 об.; Зеленин Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. — Живая старина, СПб., 1911, т. XX, с. 243.

²⁶ ВГО, р. 15, № 64, л. 11 об.; Кашкаров, с. 29.

²⁷ Носова, с. 144; Сахаров, с. 178; ГМЭ, 976, л. 20; 1089, л. 18—19.

²⁸ Кашкаров, с. 29; Снегирев, с. 183; ВГО, р. 15, № 51, л. 6.

²⁹ Кедрина, с. 104; Носова, с. 144; Сахаров, с. 178; Леонид, иером. Указ. соч., с. 7; Кашкаров, с. 29; Сухотин, с. 98.

³⁰ ВГО, р. 15, № 51, л. 6; Красноженова, с. 82.

случаях крещение кукушки происходило «пассивным» образом: надевали на нее крестик, изображение креста делали на гробе (г. Болхов); на приготовленную березу, ветви, шалашик вешали снятые с шеи кресты. Этими же крестами кумились: целовались сквозь их тесьму и после этого менялись ими. Наряду с крестами менялись и другими предметами, из которых наиболее часто упоминаются бусы и платки. В ряде местностей компактной зоны, а именно в Орловском у., вместо крестов менялись яйцами, причем в Талызинской вол. обязательно красными. Крашенными яйцами (желтыми или красными) менялись и в Тульской губ. (Новосильский у.). По рассказу «очень старого старика» из с. Ильинское Козельского у. Калужской губ., кумились раньше на кладбище: над кукушкой разбивали желтые яйца и оставляли их на могилах; сходное действие наблюдалось и в Новосильском у. Тульской губ.: скорлупки от яиц развешивали на ветвях деревьев и кустов; в Томской губ. девушки после кумления подбрасывали вверх яйца.³¹

Процесс кумления сопровождался песнями, из которых повсеместными и обязательными были 2 короткие песни-формулы заклинательного типа:

— Ты, кукушка ряба,
ты кому же кума?

— Кумушки,
голубушки,
кумитесь, любитесь,
даритесь...

Наряду с этими песнями, которые исполнялись всеми присутствующими во время кумления одной пары, существовали заклинательные приговорки двух кумящихся девиц: «Я кума, ты кума», диалог: «Ку-ку, кума, крещу дитя. — Какое? — Слепое. — Чье? — Мое», или перекрестный разговор четырех девиц: *первая*: «Ку-ку»; *вторая*: «Кума»; *третья*: «Откуль?»; *четвертая*: «Отсюль».³² Покумившиеся пребывали в этом качестве либо год, либо до духова—троицына дня, т. е. после похорон или вырывания кукушки они раскумливались, что выражалось в возвращении обмененных предметов и отразилось в известной формульной песне «Раскумимся, кума». По единодушному утверждению лиц, исполнявших обряд с кукушкой, к кумовству во время (и на время) обряда относились очень серьезно, даже истово; зато по окончании его связь кумовства была очень некрепкой и зависела от желания и настроения покумившихся: иногда заключали кумовство на год или «всю жизнь», а раскумливались после обряда.

Похороны, вырывание кукушки (ритуальная пища). Последние два этапа (возможно, когда-то ритуальная еда являлась самостоятельным этапом обряда) мы описываем вместе вследствие того, что сообщения о них чрезвычайно кратки и не отличаются разнообразием.

Хоронили кукушку, как мы уже говорили, в «гробу», прямо в земле; никаких тряпок из личной одежды или вообще из дома в гроб или ямку не клали, чтобы не умереть самим и никому из семьи. Хоронили тайно, дети и парни старались подсмотреть и разорить место захоронения; в ареале развитого обряда место захоронения было тайной даже для участников: похороны производили 1—2 выбранные девушки (Калуж., Орл. губ.). В районах, где кукушку не зарывали в землю, ее обычно оставляли на ветках берез (кустов), иногда и вырытую травку клали на ветки; «шалашики-кукушки» стояли до следующего года, если их не разоряли ребята. В Калужской губ. была особенно развита вера в маги-

³¹ Кедрина, с. 108; Елеонская, с. 146—147; Красноженова, с. 82.

³² Елеонская, 152; Носова, с. 145; ГМЭ, 976, л. 20.

ческую силу корня «кукушкиных слезок», поэтому корень после вырывания из земли брали с собой. Имеется только одно свидетельство, что кукушку бросали в воду, но при этом сообщается, что кукла была сделана из тряпок, а не из травы.³³ Поскольку похоронами обряд часто и заканчивался, девушки устраивали обрядовую трапезу после них, пели «веселые» песни и расходились по домам. За редчайшими исключениями, в качестве совместной еды приготавливалась яичница: каждая девушка приносила с собой сырые яйца, и яичницу жарили либо в лесу, на месте кумления (чаще всего), либо возвращались в деревню, где в условленном доме специальная *стрепея* ждала их с яичницей. В Дмитровском у. Орловской губ., где были утрачены некоторые важные обрядовые действия, сохранились в развитом виде элементы, связанные с обрядовой трапезой: она стала чуть ли не главным этапом обряда. Девушки приносили по 5 яиц, кусок мяса, маленькую чашку крупы, сало. Каждая девушка должна была принести охапку хвороста. Складчина происходила в доме вдовы: все участницы садились в кружок, поджигали хворост и варили отдельно яичницу и кашу, после чего девушки шли «на бугорок» и там пели обрядовую песню приготовления трапезы. В Калужском у. съедание яичницы предшествовало «похоронам кукушки» и кумлению и являлось чуть ли не главным этапом обряда.³⁴ Обычно после трапезы к девушкам присоединялись парни, а в Перемышльском у. обряд с кукушкой совершенно сливался с завиванием венков.

О количестве участниц обряда сведения чрезвычайно скудны. С одной стороны, мы имеем, как было описано, данные обо всех жительницах села, а с другой — свидетельства о непременно четном числе девушек; в Козельском у. и кукушку делали из четного числа травок, если же брали одно растение, то непременно с раздвоенным корнем.³⁵

Столь же немногочисленны показания о распределении ролей в обряде. Однако в Козельском у. существовала пожилая руководительница, знающая, как обрядовать и «крестить кукушку», в Перемышльском у., как мы видели, 1—2 девушки тайно хоронили кукушку; в Мещовском у. «две выбранные девицы или молодые женщины ищут траву»; в Брянском у. «две самых старших девушки тайно от всех сажали березку (кукушку, — Т. Б.) и наблюдали за ней несколько дней, загадывая исполнение желаний и выход замуж — себя и подруг»; в г. Болхове траву выбирали 2—3 девушки, другая делала кукушку, а шитье наряда, обрядование, стряпня и похороны были заранее распределены между участницами.³⁶

Итак, анализ отдельных этапов и обрядовых признаков свидетельствует о единой структуре обряда, о едином содержании обрядовых действий, составе участниц, атрибуции и названии объекта похорон — кукушки. В большинстве случаев наблюдается необходимость изготовления кукушки из травы (или птицы) под тем же названием. Все это говорит об устойчивом ритуальном комплексе. Варьирование форм, изображающих кукушку, различная степень развитости или сохранности обряда в целом и отдельных его этапов, на наш взгляд, отражают вполне естественную неравномерность эволюции отдельных звеньев календарной обрядовой системы, обнаруживающуюся на разных уровнях даже в пределах локальных традиций.

³³ ГМЭ, 520, л. 36.

³⁴ Иваненко, с. 327; ГМЭ, 520, л. 36.

³⁵ ГМЭ, 976, л. 20, Брянский у.; Кедрина, с. 102.

³⁶ ВГО, р. 15, № 64, л. 11 об.; Шейн, с. 342; ГМЭ, 976, л. 20 и др.

Итак, в компактной зоне распространения обряд «похороны кукушки» представлен во всех выявленных этапах, со всеми существенными признаками обрядовых действий, подчеркнутых нами в процессе анализа имеющихся данных об обряде.

Это общее положение дает нам основания для более глубокого анализа обряда в целом и попытки его интерпретации в контексте исторической и обрядово-мифологической ситуации данного региона.

Ареал обряда — верховья Оки (к югу от впадения в нее р. Угры) и Десны — в основном представляет собой территорию, которую, по свидетельствам «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) и более поздних источников, занимали племена *вятичей*. Несколько южнее, по Десне, Суле и Сейму, располагалось племя *север*, а к северо-западу, в верховьях Днепра — *кривичи*. По археологическим данным, наибольшая концентрация славянских памятников VIII—IX вв.³⁷ в «земле вятичей» наблюдается в верховьях р. Оки (по нашей карте 1—2-я группы районов); в это же время, по топонимическим данным, в междуречье Оки и Десны фиксируется присутствие балтоязычного населения,³⁸ а восточнее современной Тулы — финские племена мери, мордвы и мещеры. До начала XIII в. исследуемый район был довольно изолированной и «отсталой» областью, чему немало способствовали не только территориальная удаленность от других славянских племен, особенно от центра Руси (земли полян), но и природно-географические условия: лесные, болотистые водоразделы с юга и запада, удаленность от основных речных военно-торговых магистралей. С другой стороны, порубежность этого района (главным образом территории будущей Калуж. губ.) обусловила его беспокойную историю как в составе Древнерусского государства, так и позднее, вплоть до XVII в.: входя в состав Черниговского княжества, население этих земель испытывало на себе все тяготы междоусобиц брянских, курских и черниговских князей. С первой половины XIII до середины XIV в. территория находилась в составе Литовского княжества; подвергалась нападению даже крымских татар. Зато церковные введения и перипетии мало отразились на внутренней жизни населения, к тому же вятичи были сравнительно поздно христианизированы.

Таким образом, исторические и природно-географические условия определили особенности этнокультурной жизни исследуемого региона: известная изоляция вятичей от более «культурных» групп славян, длительный контакт с балтами, близость и сосуществование с мерянами, поздняя христианизация — все это могло способствовать как сохранению архаических явлений культуры вятичей, так и образованию в ней «сплавов» из разноэтничных компонентов.

Исследователи XIX—начала XX в. указывали на отдельные своеобразные проявления в культуре местного населения, отмечали особенности наречия и образа жизни. Тогда же на основе самоназвания были выделены полехи — жители лесных районов Калужской губ. и орловские дулебы; на территории Мосальского у. с полехами соседствовали поляне; существовало мнение о происхождении первых от вятичей, а вторых — от кривичей.³⁹ Полехи наряду с другими восточнославянскими этническими

³⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Л., 1968, с. 48—49, рис. 2.

³⁸ Lowmianski H. Początki Polśki. IV. Warszawa, 1970, s. 17, 1 (схем. карта).

³⁹ Леонид, пером. Указ. соч., с. 11; Кашкаров, с. 1—48; ВГО, р. 15, № 20, л. 1—11 об.

группами — пинчуками Минщины и полешуками Волыни — «превосходили по суевериям малороссов и великороссов».⁴⁰

Переселение на эти земли из других районов не было характерным, зато мощное продвижение вятичей на северо-восток — заметное историческое явление, хотя места их оседания по мере продвижения пока изучены слабо.

К этнической характеристике летописных вятичей необходимо добавить, что, по сведениям ПВЛ, они «пришли от ляхов», и следы этой этнической связи оставались в сознании местного населения вплоть до XIX в., например полехи Мосальского у. «считали себя ляхами».⁴¹

Компактная зона распространения обряда «крещение и похороны кукушки» совпадает с чрезвычайно своеобразным районом древнейшего расселения вятичей, с архаическим комплексом культуры, а историческое и этнокультурное развитие данного района в последующие эпохи могло только способствовать формированию локальных особенностей культуры и быта. Думается, при такой характеристике трудно предположить, что у населения этого района могли возникать обряды «по аналогии» или «под влиянием игры», как считают Д. К. Зеленин и В. К. Соколова. Все говорит о том, что обряд «крещение и похороны кукушки» — один из самых архаичных, сложных и интересных в ряду древних «ритуальных похорон».

1. Обряд происходил в разгар «весны красны»; он начинался после первых весенних игр и заканчивался до наступления игрищ летнего солнцеворота. С пасхи или с красной горки девушки и молодичи водили хороводы, в которые парни не допускались или допускались очень редко.⁴² На красную же горку оканчивались обычно мужские кулачные бои (длившиеся весной с пасхального четверга). В этих боях участвовали все возрастные мужские группы селения и заканчивались они битвами партий соседних сел, всегда происходивших на границе, на меже.⁴³ Совместные игры молодежи эротического характера, описанные советскими этнографами, происходили на Петров день и назывались «загонять» или «караулить солнце»; это веселье весьма напоминало «ярилины игрища», зафиксированные в XIX в. во Владимирской и Костромской губ. Таким образом, обряд «похороны кукушки» располагался между разными по характеру и смыслу молодежными гуляньями: в начале весны девицы, молодичи и парни отдельно друг от друга как бы «пробуют свои силы» перед совместными играми, которые происходят в конце весны и носят откровенно брачный характер.

2. «Крещение и похороны кукушки» производились половозрастной группой, объединявшей девушек-«невест» и молодых женщин. Ритуальное объединение этих групп прослеживается во всех узловых моментах календарной обрядности русских — в зимних святочных и весенних игрищах, в хороводах, на масленице; оно повсеместно отразилось в фольклоре. В исследуемом регионе эта связь выступает наиболее отчетливо. Подобное объединение восходит, на наш взгляд, к древнейшей стадии общественной жизни славян, когда половозрастные группы (наряду с родовыми институтами) и ритуально-магическая связь между ними имели важное, если не первостепенное значение в функционировании коллектива и регулировании многих отношений, в первую очередь брачных.

⁴⁰ Ефименко П. С. Суд над ведьмами. — Киевская старина, 1883, т. VII (ноябрь), с. 374.

⁴¹ ВГО, р. 15, № 20, л. 5 об.

⁴² ГМЭ, 492, л. 5, Калуж. губ., Жиздринский у.

⁴³ Там же, 1109, л. 2—3, Орловский у.

В отличие от большинства обрядов календарного года, исполняемых девицами — молодницами и носящих хотя и дифференцированный, но открытый для посторонних (т. е. других групп) характер, обряд «крещения и похорон кукушки» — тайный, замкнутый, избегающий какого бы то ни было чужого присутствия, особенно мужчин. По суровой тайности этого обряда («ни одна крестьянка не сознается, что умеет „срывать и кстить кукушку“») ⁴⁴ его можно сравнить только с женским обрядом опахивания и святочными гаданиями девушек на перекрестках. Соотношение участниц этих трех специфически женских ритуально-магических действий разное, связано с содержанием и объектом магического воздействия, но мы знаем, что для опахивания и новогодних гаданий необходимо было вступить в союз с «нечистой силой», или, точнее, дать свободу собственным колдовским способностям, которые, по народным представлениям, при известных обстоятельствах могут проявиться в любой женщине. Судя по всему, и обряд «похорон кукушки» требовал объединения, сосредоточения и взывания к тайным высшим силам для чрезвычайно серьезного действия, исключая участие мужского начала.

3. Эзотерический характер совершаемого обряда дополнялся кумлением его участниц, т. е. заключением внутри группы девушек-молодиц посестримства отдельных пар. Такое кумление существенно отличается от широко распространенного в русской среде обычая народного кумовства, возникающего при различного рода обрядовых ситуациях и бытовых обстоятельствах, носящего открытый и свободный характер, и в тех случаях, когда кумились девушки с парнями. Предположение Р. Кедринной, что кумление в данном обряде возникло как объединение для совместного искания травы, в нашем случае «кукушкиных слезок», кажется несостоятельным, поскольку этнографические материалы свидетельствуют, что хотя девушки и молодницы действительно вместе искали различные лекарственные травы (и отдельно от пожилых женщин), но производили это на Аграфену-купальницу, не таясь и не совершая при этом никаких обрядовых действий. ⁴⁵ Почему же искание травы «кукушки» потребовало такой таинственности обряда и внутреннего посестримства? Отпадает также утверждение того же автора (которое поддерживает и В. К. Соколова), что кукушка, символизируя вдову, сироту, тоскующую дочь, объединяла в кумовстве женщин, наиболее нуждающихся в искусственном родстве, в помощи. Как видим, обряд совершается половозрастной группой, менее всего нуждающейся в объединении из-за перечисленных причин, да и сами причины не требовали такой специфичной календарной приуроченности. Д. К. Зеленин интерпретировал обряд с кукушкой как одну из локальных разновидностей русальских обрядов, производившихся с целью узнать свою судьбу и через кумовство и дарение «задобрить русалок». Однако подобный вывод был сделан без учета особенностей обрядовой системы именно в данном регионе (русальная неделя, обряды и магические действия, связанные с русалками, следовали за описываемым обрядом, никак ни взаимодействуя с ним) и без детального анализа обряда «крещение и похороны кукушки». Соотношение Д. К. Зелениным данного обряда с крещением душ умерших неестественной смертью (если иметь в виду распространенное поверье о кукушке-душе) вызывает ряд недоуменных вопросов: почему этим крещением занимаются еще не вышедшие замуж девушки и, может быть, не рожавшие молодницы; почему «окрещен-

⁴⁴ Кедрина, с. 108.

⁴⁵ ГМЭ, 1223, л. 8 об., Орловская губ.

ные» в духов день русалки тем не менее бесчинствуют в последующую неделю и способ изгнания их носит отнюдь не христианский характер; почему в зафиксированных при кумлени (и вообще при обряде) песнях никак не отразилась «русалочья» тематика и, наконец, почему кукушка является в обряде символом девочки или девушки-невесты (а в одном свидетельстве даже вдовы), что не соотнобразится с некрещеной душой? Кстати, данные о кукушке-девочке не противоречат выявленному нами союзу девушек—молодиц. Известно, что с течением времени браки стали заключаться в более позднем возрасте; по исследуемому региону достаточно много свидетельств о ранних браках (с 11—13 лет) еще в начале XIX в. Обряд совершеннолетия, который имел в южных районах форму описанного выше «скакания в поневу», будучи пережитком глубокой древности, совершался некогда в раннем, отроческом возрасте, но девочка считалась после него «невестой». Думается, что сведения о кукушке-девочке — это следы более раннего возрастного совершеннолетия, когда «невестой» по существу была еще девочка. Возможно, с этим же связаны слова «крещу дитя» в формульных песнях кумлени (см. выше).

4. Устойчивость одного из обрядовых действий, его сохранность в тех местностях исследуемого ареала, где обряд по существу исчез, тесная связь его с названием обряда в целом и тот момент, что с него всегда начинался сам ритуал, заставляет остановиться на этом действии в первую очередь. Мы говорим о кумлени.

Подчеркнем основные моменты обрядового поведения при кумлени.

а. Выбираются (составляются) пары (кто с кем хочет покумиться, девицы с молодыцами).

б. Обычно пары кумятся по очереди под пение формульных песен остальными участницами, иногда происходит формульный диалог одной пары или перекрестный разговор двух пар (см. выше).

в. Кумление начинается с поцелуев через согнутые ветви, венок или тесьму шейного креста, затем следует обмен крашенными яйцами, личными предметами, крестами.

г. Кумление происходит под покрытием — шалашом из ветвей, холстом, платком, т. е. втайне от присутствующих; в описываемое время мы наблюдаем лишь следы этой таинственности.

д. Серьезность и даже святость кумлени отразилась в формульных припевках, где говорится о греховности нарушивших этот обряд:

- Кума, кумись,
покумивши, кума, не бранись,
побранивши, кума, мать у гузны
(ругательство-проклятие, — Т. Б.);
- Побранимся, грешны будем,
кукушечке тошно станет.⁴⁶

Отметим важное наблюдение: действия, производимые девушками и молодыцами с кукушкой до кумлени друг с другом, по существу воспроизводят обряд кумлени, т. е. означают, что кукушка тоже с кем-то кумится: ставят или кладут ее под шалаш, сажают на дерево, в венок, накрывают платком, надевают на нее крестик.

О кумлени кукушки со всей очевидностью говорят тексты формульных песен, которые содержат вопросы кукушке и ее ответы:

⁴⁶ ГМЭ, 1145, л. 4 об.—5; Елеонская, с. 154.

— Ты, кукушка ряба, ты кому же кума?	— Какушка кума, да иде ж ты была?
— Я — кума Марьюшке, я — душа Марьюшке, я кумушка-подруженька вам ⁴⁷	— Ды кумилася, ды хрястилася... ⁴⁸

В некоторых песнях «ответы» звучат как бы от лица «кукушкиной кумы», ликующей, что у нее новая подруга:

Алилей, Семик, Троица...,
алилей, у мене новая кума,
алилей, у мене кукушка кума,
алилей, у мене рябая кума.⁴⁹

Кумление кукушки — самый важный момент обряда — оно производится до кумления участниц, и на «кумящуюся кукушку» все надевают что-либо из своей одежды, украшения и кресты, видимо, приобщаясь тем самым к кукушке и ее таинственной подруге; после «кумления кукушки» с нее снимались все предметы, которыми названные сестры затем обменивались и надевали на себя.

Таким образом, первым и главным действием кумления было «кумить кукушку», однако, как мы видим, обряд назывался «кстить (крестить) кукушку», хотя население обычно объясняло название обряда так: «крестить кукушку или кумиться». Христианский «крестовый союз» явился эквивалентом кумовства (крестные — кум и кума) в народном быту и культуре, более или менее органично с ним слившись; в описываемом обряде крещение по сути не вытеснило древнего обряда кумления и даже названия по отношению к действиям участниц, но изменило его в отношении происходящего с кукушкой: вместо «кумить кукушку» появилось «крестить кукушку». Думается, что это изменение произошло в первую очередь вследствие утраты истинного смысла самого обряда, содержащегося в «кумлении кукушки», в то время как кумовство между людьми было понятно и широко распространено. Изменение названия повлекло и некоторое противопоставление обрядовых действий, производимых с кукушкой, тому, что совершали между собой участницы, т. е. кукушку крестили, а сами кумились. Такое разделение и вызывало мнения о слиянии двух разных по смыслу обрядов — крещения и похорон кукушки и кумления, из которых первый — якобы поздний, возникший по аналогии с весенними обрядами ритуальных похорон.

5. Исходя из нашего предположения, что «кукушку кумили», следует признать, что ее похороны являлись естественным продолжением этого акта обряда: кукушку воссоединяли с ее «кумой». Способ и место захоронения — зарывание в землю — отражали, видимо, архаичные представления о связи кукушки с определенной сакральной стихией. Вспомним, что характер погребения объектов других ритуальных похорон различен: Масленицу сжигали, Купалу и Горюна обычно бросали в воду, Кострому разрывали или оставляли где-нибудь в лесу и т. д. Совместная трапеза, которой завершались похороны кукушки, — обычное в подобных случаях условие состоявшегося единения и закрепления уз. Ряд признаков говорит о том, что в совместной трапезе покумившихся пар «принимала участие» и кукушка со своей кумой: она происходила, как правило, в лесу, на месте кумления, остатки пищи выбрасывали на землю, развешивали скорлупу от яиц на ветвях деревьев, под которыми кумились, подбрасывали вверх и разбивали яйца и т. п.

⁴⁷ Иваненко, с. 328.

⁴⁸ Халанский, с. 145.

⁴⁹ Там же, с. 147.

Вырывание кукушки, происходившее в одно время с раскумливанием подруг, означало, по всей видимости, «раскумливание кукушки» (подобную связь между раскумливанием и развиванием венков впервые отметил Д. К. Зеленин, но считал это раскумливанием с русалками).

6. Особым образом обряд связывался с птицей кукушкой и ее пребыванием в природе, что прежде всего отражает само название обряда и главного «действующего лица».

В древних народных верованиях кукушка играла важную роль, которая прослеживается в поверьях, представлениях и мифологических преданиях восточнославянского, в том числе и русского населения, из которых мы выделим основные, характерные для всех групп славян.⁵⁰

Кукушка — вещая птица — предвещает сроки жизни и смерти, по существу все природные явления и стихийные бедствия, а также замужество, удачу или несчастье в браке и т. п.

Кукушка-оборотень — в ее образе чаще всего мыслится женщина с несчастной судьбой: девушка, нарушившая нормы поведения (не захотела идти замуж, полюбила неугодного родителям жениха), молодая женщина, тоскующая в постылом браке, жена, убившая или потерявшая своего мужа, вдова (русские, белорусы, украинцы, поляки). Все превращения нарушивших человеческие нормы поведения и жизни женщин (а иногда и невиновных) в птицу кукушку совершают женщина же (обычно мать) и богородица (редко бог).⁵¹ С этими превращениями связано и большинство мифологических легенд славянского населения о происхождении кукушки.⁵²

Кукушка — носительница сакральной силы, которая проявляется в народных представлениях о ней как о защитнице скота («кукушка, прокукуй мою скотину») и покровительнице различных хозяйственных занятий: в Орловском у. пчеловоды несут в жертву водяному первый рой, за что тот в награду дает им кукушку, которую надо тайно посадить в отдельный улей, чтобы водились пчелы; в Белоруссии девушки поют: «Сестрица дорогая, кукушка пестрая / ты кормишь братних коней, / ты мотаешь нити шелковые, / скажи, кукушка, скоро ли замуж?».⁵³

В календарных песнях время появления и пребывания кукушки в лесу отождествляется с порой весенней воли девушек (и часто молодых): известно, что около Николина дня или Вознесенья раздается первое кукованье кукушки, а прекращается к Петрову дню: «Не кукует кукушка за Петров день».

Приведем в качестве примеров песни «зеленых святок» из Смоленской губ.:

- Красным девушкам только два пыра,
Адна пыра, адно времнка:
А што дух с тройцый-да и збор деўкам.
- Ты какуй, какуй ты, какушечка,

⁵⁰ О кукушке в народных представлениях славян см.: Петров Петър А. Этнографски елементи на славяно-балто-германска общност. София, 1966.

⁵¹ Там же, с. 66, 67 (сводка славянских материалов).

⁵² Легенды о происхождении кукушки и причинах ее оригинальной судьбы (не вьет гнезда и не высиживает птенцов) — самостоятельная тема для исследования. Отметим, что западные районы России с пограничными районами Литвы и Белоруссии образуют ареал, где наряду с «женским» происхождением бытует мифологический цикл о «кукушке и птице Кукке (лит.: Кукис)» (см.: Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. — Зап. РГО по отд. этнографии, СПб., 1891, т. XX, с. 278—279; Вольтер Э. Литовские легенды. — ЭО, 1890, № 3, с. 139—148; Смирнов Ю. И. Эпика Полесья. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978, № 58—61, с. 259—261 и приложения).

⁵³ ГМЭ, 1091, л. 18; Бессонов П. Белорусские песни. М., 1871, № 41, с. 54.

Немножко тебе какувать будить:

С христовыга дня да пятровыга,

Ты гуляй, гуляй, ты Аринычка,

Нямнога тебе погулять будить.

— Деўкам, маладухам адна пара гулять,
Адва пара гулять, венки завивать.⁵⁴

Напомним, что обряд «крещение и похороны кукушки» также совершался в течение срока пребывания этой птицы в лесу.

Довольно единообразны свойства, которые народ приписывает траве «кукушкины слезки»: они теснейшим образом связаны с брачными отношениями. В раздвоенном корне травы видели мужское и женское начало («один корень — муж, другой — жена»), в одиночном кольцеобразном — женское начало. Настойки и отвары из корня «кукушки» применялись как приворотные средства и против немощи.⁵⁵ Молодицы гадали по корню травы о будущем поле своего ребенка и пили отвары корней, приговаривая заклинание-молитву кукушке: «Кукушка, уроди мне сынушечку-дочушку»; в Орловской губ. *покако(у)шиться* означало «полюбоваться», «совершить грех»⁵⁶ (см. у В. Даля: *куковать* — «ласкаться», «забавляться»).

Приведенные данные позволяют утверждать, что именно в кукушке следует искать исконный смысл рассматриваемого обряда, отражавшего какие-то специфические представления о сакральной связи кукушки, олицетворяющей некую высшую силу, и половозрастной группы девушек—молодиц, для совершения обряда объединявшихся в «кукушечье» время года в тайный союз с разделением внутри него на пары подруг.

7. Общий настрой обряда и звучащих при нем песен печальный, можно сказать, даже трагический, что также отличает его от других ритуальных похорон, для которых характерны веселье и если плач, то фарсовый, ритуальный. При обряжении кукушки и ее похоронах звучали причитания, которые исполнялись совершенно серьезно и в отсутствие свидетелей (они не записаны). Песнями сопровождалась все акты обряда. Основные мотивы дошедших до нас песен: нежелание выходить замуж, тоска от разлуки с «любезной сестрой» (видимо, названной сестрой, кумой) в связи с выходом последней замуж, смерть молодой женщины от родов, девушки, гадавшей по венку на Дунае, страдания в несчастном браке (нелюбимая жена, побои, тоска по милому, гнев свекра и т. п.). Можно сказать, что в песнях обряда сконцентрировано большинство мотивов, отражающих негативные стороны замужества. Приведем несколько примеров.

— Кабы знала я, ведала

свою горьку долю,
несчастье-замужество, —
замуж не ходила бы,
доли не теряла бы...⁵⁷

— Не мое ль сердце разретивое все изныло, почернело...
По том боку за речкою димбалушки бьют:
Не мою ль сестру разлюбезную замуж отдают?

⁵⁴ Смоленский этнографический сборник, № 116, 11г, 14, с. 190—191, Смоленский, Ельнинский, Духовищенский уезды.

⁵⁵ Носаль М. А., Носаль И. М. Указ. соч., с. 83.

⁵⁶ ГМЭ, 65, л. 4 об., Влад. губ.; РО БАН, 25, 5, 215, л. 78, Костром. губ.; ГМЭ, 937, л. 6, Болховский у.

⁵⁷ Шейн, № 1197, Курск. губ., Дмитровский у.

Что ни я к тебе, ни ты ко мне не будешь ходить,
 Что ни я тебя, ни ты меня не будешь любить.
 — Не твоя ль сестра, сестра родная родила,
 Породивши она сына милого, сама померла.⁵⁸

Во многих местностях при кумлени пелась широко известная песня «Четыре кумы», исполнявшаяся как бы от лица девушки (молодицы), только символично, заочно присутствующей с остальными подругами: она просит, чтобы ее любили, взяли в сад, сплели ей венок и бросили в Дунай, но судьба ее уже свершилась — потонувший в Дунае венок означает брак-смерть,⁵⁹ а для молодой женщины — потерю мужа:

— Занывает в молодце сердце
 На чужих жен да на жен хороших,
 Все на девушек на красных, пригожих,
 Кабы знал молодец свою долю,
 Холостой бы свой век волочился.
 — Не вгадать вам, девушки,
 Каков ваш ладушка будет...
 За что же тело пожурено:
 Все-то за обычай, за прав за девичий.⁶⁰

Трагические мотивы песен, в которых нередко возникает образ смерти, вполне согласуются с кукушкой, символизирующей покойницу — девушку-невесту, и с составом исполнительниц обряда, для которых чрезвычайно актуальны вопросы замужества (предстоящего или состоявшегося), родов и т. п.

Итак, анализ обряда в ареале его развитости и в системе этнокультурной локальной традиции позволяет утверждать следующее. Обряд «крещение и похороны кукушки» архаичен по происхождению, генетически восходит к какому-то специфическому обряду половозрастной группы девушек-невест-молодиц, вступающих в определенное время года в ритуальную связь между собой и в сакральную — с тайной, высшей силой, предстающей в образе кукушки; ритуал отличают тесные, любовные отношения покумившихся пар и негативное отношение к браку: ареал сохранности обряда в XIX—XX вв. соответствует территории расселения летописных вятичей, и сам обряд не имеет аналогий среди обрядов русского населения. Следы этого обряда в виде отдельных действий, слов, формульных песен кумлени с упоминанием кукушки прослеживаются в первую очередь в районах, через которые шло позднее продвижение вятичей на северо-восток: в верхневолжском бассейне (Твер., Костр., Яросл. губ.), а также на Русском Севере, в бассейне Северной Двины и в некоторых районах Сибири.

3

Последующая возможная интерпретация смысла и содержания обряда предлагается в качестве гипотезы.

Проблема половозрастных групп в обрядовой жизни славянства, в том числе и русского населения, в этнографической науке пока не ста-

⁵⁸ ГМЭ, 1976, л. 20, Орл. губ., Брянский у.

⁵⁹ Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. — В кн.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

⁶⁰ Иваненко, с. 328—333.

вилась.⁶¹ Поэтому мы попробуем сопоставить наш ритуальный союз девушек — молодежи с немногочисленными, но все же выразительными данными о подобных союзах у древних народов Европы — архаичность комплекса дает нам право на такое сопоставление.

Легенда об амазонках, имеющая малоазиатское происхождение, была усвоена и разработана греками; в частности, эта легенда связывается с культом многогрудой Артемиды Эфесской, святилище которой, по преданию, было основано амазонками. По мнению исследователей, эта греческая легенда возникла как осмысление «матриархальных» устоев догреческого населения в Эфесе, у которого существовал культ какой-то великой богини, предшественницы Артемиды.⁶² В Восточной Европе предание об амазонках было оживлено матрилокальными элементами в социальной жизни савроматов Подонья и Приазовья: по свидетельствам Геродота и псевдо-Гиппократ, савроматские девушки организовывали воинские объединения и могли выйти замуж, только убив от одного до трех врагов и совершив установленные жертвоприношения.⁶³ Как показал Д. А. Мачинский, амазонческая легенда в Северном Причерноморье (на Боспоре) также увязывалась с культом великой женской богини, что делает весьма вероятным предположение о существовании богини-покровительницы реальных савроматских «амазонок».⁶⁴ Следы легенды об амазонках видны и в некоторых обычаях северокавказских народов: по сообщению Страбона, живший здесь «народ амазонок» раз в году, весной, сходится на любовные игрища с мужчинами соседнего народа гаргореев; родившихся девочек воспитывают сами «амазонки», мальчиков отдают гаргореем.⁶⁵ Это свидетельство отражает факт существования замкнутых женских союзов у народов Предкавказья. Любопытно, что весьма близкий к вышеизложенному вариант мифа об амазонках излагается в ПВЛ (со ссылкой на хронику Георгия Амартола) непосредственно после рассказа об «игрищах межю села, плясаньях и бесовских песнях» славянских племен радимичей, вятичей и север,⁶⁶ в виде некоторой параллели к последним.

Текст ПВЛ возвращает нас к обычаям и формам брачных отношений у древних славянских племен. Имея в виду христианскую нетерпимость летописца к «поганым», мы все же должны учитывать это единственное древнее историческое свидетельство, тем более что в нем сообщается о трех формах брачных отношений у различных славянских племен, за которыми явно стоят этнографические знания. Свидетельство же ПВЛ о брачных игрищах вятичей, радимичей и север подкрепляется рассказом летописца Переяславля Суздальского, сведения которого также явно восходят к реальной ситуации, наблюдаемой им в районе верхневолжского бассейна; будучи более поздними, чем сведения ПВЛ, они важны и интересны сходством с ними и еще тем, что зафиксированы у населения областей, через которые вятичи продвигались на северо-восток. Суммируя летописные данные, можно сказать, что у вятичей существовали брачные отношения в форме групповых брачных игр, происходивших

⁶¹ Бернштам Т. А. Проблема поло-возрастных групп в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. — В кн.: Краткое содержание докл. юбил. науч. конфер. ИЭ АН СССР. Л., 1980, с. 25—26.

⁶² Томсон Д. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 179—180.

⁶³ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Собр. В. В. Латышев. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 44—45, 59.

⁶⁴ Мачинский Д. А. Пектораль из Толстой могилы и великое женское божеество Скифии. — В кн.: Культура Востока. Л., 1978, с. 137—138.

⁶⁵ Известия древних писателей... с. 144—145.

⁶⁶ ПВЛ, I, 15.

между селами, в которых участвовали жены и девушки; вступление в брак могло произойти как по предварительному взаимному согласию, так и в процессе самого игрища. Мужчины и женщины вступали в брачные связи неоднократно (и видимо, участвовали в нескольких подобных игрищах), иных женщин «поругавше, метааху на насмеание до смерти». ⁶⁷ Подобная жестокость брачных отношений могла обострить в данном регионе оппозицию «мужчина — женщина» и способствовать более четкому оформлению определенных половозрастных объединений у женской части населения, возможно с целью коллективной магической защиты под покровительством женского божества.

Архаичность и в то же время долгая жизнь ритуала половозрастного союза девушек — молодежи, устойчивость обрядового комплекса и его названия в районе, население которого отличалось особо долгим переживанием языческой погребальной обрядности, типом женских украшений и многими элементами в материальной и духовной культуре, свидетельствуют об архаичности таких союзов и о существовании их покровительницы. Ее атрибуты в таком случае следует искать в «кукушкиной куме», а точнее, в самой кукушке и в том обрядово-мифологическом пласте, который за ней стоял.

Кто же мог стоять за «кукушкиной кумой»? В самом обряде мы встречаем только один четкий ответ на этот вопрос в формульной песне кумления:

— Ты кукушка ряба,
Кому ты кума?

— Я, кумушки, голубушки,
Богородице кричу. ⁶⁸

Несмотря на единичность, этот ответ говорит нам о многом.

а. Двоеверие поддерживалось на Руси прежде всего благодаря долговременному сохранению язычества в женской среде, где происходила и трансформация основных мужских и женских божеств древневосточнославянского пантеона, причем из последних, как известно, дошло только имя Мокоши.

б. Христианским продолжением Мокоши явилась св. Параскева-Пятница; в позднейшей народной демонологии соответствующие функции и атрибуты Мокоши были перенесены и на другие женские персонажи нижнего ряда. ⁶⁹

в. Богородица, будучи высшей и единственной женской «инстанцией» в христианской религии, должна была продолжить жизнь верховного женского языческого божества с теми же функциями.

г. В восточнославянском пантеоне такого божества нет, в западнославянском есть — это богиня Жива полабских славян (Гельмольд, XII в.).

В сведениях Длугоша о польских богах (третья четверть XV в.) называется имя богини Zuwue, данные о которой наряду с данными о богине Rogoda В. В. Иванов и В. Н. Топоров считают совершенно достоверными; они же сопоставляют польскую Zuwue с Živa (Живой) балтийских славян. ⁷⁰ Вполне возможно, что у вятичей, выходцев из среды западных славян («от ляхов»), существовал культ богини, восходящей

⁶⁷ ПВД, II, 227, доп. к с. 15, 1.

⁶⁸ Шейн, № 1196.

⁶⁹ Иванов В. Мотивы восточнославянского язычества и их трансформация в русских иконах. — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. Матер. науч. конфер. М., 1976, с. 268—287.

⁷⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 41—42, рис. 2, с. 55—56.

к *Zywyе — Żywa*. О Живе известно лишь то, что она была женским и при этом главным божеством в том месте, где ее почитали (Гельмольд, I, 52); одно это дает основания утверждать, что христианским эквивалентом ее могла стать только богородица.

Замечательно, что о Живе и богородице имеются хотя и косвенные, но все же важные указания на их связь с кукушкой. Оговоримся, что сведения о связи Жива—кукушка позднего, вторичного порядка, поскольку источник, в котором они содержатся («Польская хроника X в. от Прокош»), считается некоторыми учеными фальсификацией XVIII в.⁷¹ Однако пользоваться таким источником мы все же имеем право,⁷² тем более что в нем есть данные, которые отражают реальные факты. Перевод текста гласит: «Божеству Живе было устроено капище на горе..., где в первые дни мая благоговейно сходилась многочисленный народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здравия. Особенно же приносились ей жертвы теми, которые слышали первое пение кукушки, предвозвестившее им столько лет жизни, сколько раз повторится ее голос. Думали, что высочайший владыка вселенной превращался в кукушку и сам предвещал продолжение жизни. Поэтому убийство кукушки вменялось в преступление и преследовалось уголовным наказанием».⁷³ Подчеркнем важные моменты.

а. Жива — «высочайший владыка вселенной»; это вполне согласуется с данными Гельмольда, что Жива — главное божество там, где ее почитали; может быть, не случайно и употребление Длугошем Живы в среднем роде,⁷⁴ в «Хронике Прокоша» — в мужском роде: главное божество могло быть андрогинным.

б. Превращение Живы в кукушку, вещавшую о сроках жизни.

в. Особое поклонение Живе в мае, во время появления кукушки и ее первого кукованья; последнее требует особого внимания, поскольку сообщение о наказании за убийство кукушки мы считаем совершенно достоверным (ср. запреты убивать священных птиц, например лебедя, у многих народов мира). Добавим, что имеются данные и о «рощах Живы».⁷⁵

Свидетельства о связи богородица—кукушка другого порядка и этнографического происхождения: это упоминавшиеся выше польские предания о превращении провинившейся женщины (невесты, жены), вдовы в кукушку, которое совершает мать или богородица (бог).

Продолжая рассуждения, мы предполагаем, что под «кукушкиной кумой» скрывалось высшее, скорее всего, женское божество, имевшее в языческую пору название «кукушки» — птицы, представлявшей ее земной ипостасью и обладающей пророческой и могущественной силой, в первую очередь в женских сферах бытия. Женская природа кукушки-божества и ее оборотничество могли способствовать возникновению особого культа в женской среде; к покровительству такого божества могли обращаться и специфические возрастные женские союзы.

Отсутствие материала не дает пока возможности говорить о генезисе

⁷¹ Korbut G. Literatura Polska od początków do powstania styczniowego, II. Warszawa—Lublin—Łódź, 1918, s. 485; Niederle L. Slovanske starožitnosti, II, 1. Praha, 1916, s. 154, 176.

⁷² Иванов В. В., Топоров В. Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии. — Труды по знаковым системам, VI (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, Тарту, 1973, вып. 308), с. 46—82.

⁷³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1869, с. 686—687, примеч. 1.

⁷⁴ Maresch. Thurius. Annal. Herul., I, IV. Цит. по: Фаминцын А. С. Божества древних славян. Вып. 1. СПб., 1884, с. 18—19.

⁷⁵ Там же.

ритуала союза девушек—молодиц под покровительством божества в образе кукушки. Скорее всего, в нем видится какой-то переходно-возрастной обряд с посвящением божеству «кукушке», окрашенный негативным отношением к браку (к мужскому началу), темой «девичьей воли» и «женской свободы» и оформлявшийся в виде «посестримства-кумовства», в котором принимало участие и божество. Роль молодежи в этих парах сводилась к передаче традиции обряда, исполнению обрядовых действий старших партнерш, сообщению о первом годе брачной жизни (следы таких информации обнаружены нами в источниках по другим районам).

Обряд «крещение и похороны кукушки» не получил четкого оформления в русской обрядности, как, впрочем, многие славянские обряды. Общественно-исторические и этнокультурные изменения, смена историко-бытовых ситуаций, лежавших в основе архаических ритуалов, меняли их смысловое содержание или превращали важный когда-то обряд в традицию (и даже игру). На исследуемый обряд могли наложить отпечаток жестокие брачные игрища вятичей, когда смерть девушки или женщины в процессе игрища могла быть реальностью и усугублять негативное отношение к браку; дальнейшее упорядочение системы социально-брачных отношений обесмысливало обряд как таковой. Последующая трансформация его шла как по линии консервации некоторых архаических элементов с негативной окраской, так и развития противоположных мотивов; это сосуществование мы и наблюдаем в обряде:

обет безбрачия→любовь, свадьба (гадания по «кукушке» о выходе замуж, любовные песни);⁷⁶

магия антагонистическая (кумовство)→магия любовная (приворотные зелья из травы «кукушкины слезки»);

бесплодие→роды (гадания по корню травы о будущем поле ребенка, молитва «кукушке» о сыне-дочери);

посестримство→кумление с парнями.

Ритуальная связь групп девушек и молодежи многозначна. В процессе эволюции календарной обрядности происходила взаимная проницаемость различных обрядов, особенно на рубеже летнего солнцеворота, когда наблюдалась максимальная их концентрация на небольшом отрезке времени. На определенной стадии развития славянского общества доминирующей в календарной обрядности стала аграрная тематика, поэтому нет ничего удивительного в появлении аграрных мотивов в обрядах и обрядовых песнях всех весенних праздников. Появились они и в обряде «крещение и похороны кукушки», что при поверхностном наблюдении позволяло считать этот обряд восходящим к культуре умирающей и воскресающей растительности — или возникшим по аналогии с подобными обрядами (Р. Кедрина, Д. Зеленин, В. К. Соколова). Однако, как мы видели, «похороны» и «вырывание» не соответствуют в данном случае «умиранию» и «воскресанию» (тем более, что вырывание не равно воскресанию), а на фоне основных мотивов песен кумления видна условность присоединения к обряду аграрных текстов. Действительно, как относятся к сути обряда, например, такие тексты: «весна красна пришла, нам зерна принесла, нам аржи на гумно»; «и где девки красны шли, там и рожь густа, и где бабы прошли, там и рожь пуста».⁷⁷ Добавим, что песни аграрного содержания отнюдь не доминируют в обряде, что также говорит об их позднем появлении.

⁷⁶ См., напр.: Добровольский В. Н. Образцы говора Жиздринского у. Калужской губ. — Живая старина, 1898, вып. III—IV, с. 387, 390.

⁷⁷ Кедрина, с. 107, 104.

Чрезвычайно интересным и плодотворным представляется нам исследование соотношения и связи обряда «крещение и похороны кукушки» с троицким обрядом завивания венков и кумления. Такое исследование не входит в нашу задачу, отметим только ряд моментов, непосредственно относящихся к теме статьи.

Для исследуемого региона троицкий обряд с березой — украшение дерева, хождение с ним, завивание венков и кумление сквозь них — не был характерен.⁷⁸ Материалы позволяют выделить следующие основные признаки, отличающие здесь троицын день, или семик: гулянье молодежи в роще (иногда у качелей), заплетание венков из цветов, трав и бросание их в воду с загадыванием о судьбе; кумление при этом не зафиксировано. В тех единичных случаях, когда происходило кумление молодежи через свитые или согнутые березовые ветви, имеются веские доказательства, что это действие — часть обряда с кукушкой, либо утраченное здесь название, либо оставшееся неизвестным собирателю. Так, в Жиздринском у. (?) Калужской губ. девушки кумились на 8 мая (Иван Богослов) через согнутые ветви березы, с припевом «покумимся, кумушки, чтоб не браниться»; то же в Болховском у. Орловской губ., в Перемышльском у. Калужской губ.⁷⁹ Как мы видим, подобное кумление происходило в тех же районах, где бытовал в развитом виде обряд с кукушкой, но в силу каких-то причин исчезло название обряда.

В то же время «крещение и похороны кукушки» так или иначе (в разных местностях по-разному) были связаны с березой, и, судя по способам использования березы в обряде, и главным образом при кумлении, можно утверждать, что в данном регионе наблюдается слияние двух обрядов, имевших когда-то, может быть, и сходные функции, но в чем-то различные истоки и слагаемые. Ареал бытования троицкого обряда с березой гораздо обширнее, чем обряда с кукушкой; особенности его локальных проявлений и общие признаки пока только намечаются, и говорить об истинном соотношении его с изученным нами обрядом рано, однако ряд черт наводит на определенные сопоставления. В областях верхневолжского бассейна, как известно, обряд с «березой» бытовал почти повсеместно и в некоторых районах имел следующие признаки, роднящие его с обрядом кукушки.

а. Возрастной союз девушек — «девичий праздник» (отличие — редкое участие молодежи).

б. Береза (как и кукушка) — символ девушки, девичества (названия: «красота», «девушка», «кума»), девичий наряд — платье, ленты, бусы, косники, которыми обычно все участвующие девушки украшали березу.

в. Стремление сохранить девичество, девичье посестримство-кумление. В Ростовском у. Ярославской губ. девушки вешали березовые венки на дерево с закликательными приговорами: «Виси, венок, не развивайся, а моя девичья краса не кончайся». Потом все становились в круг, в центре которого стоял парень с украшенной березкой, и пели формульную песню кумления:

— Ой, кокушка ряба,
Ты кому-то кума,
Давай покумимся...
Давай целоваться,
С милой миловаться,
Чтобы век с тобою жить,
Чтобы замуж не ходить.

⁷⁸ Это отметила и В. К. Соколова (указ. соч., с. 207).

⁷⁹ ГМЭ, 906, л. 3—3 об.; ВГО, р. 15, № 62, л. 20.

После этого девушки целовались через «кумичку» и обменивались красными яйцами.⁸⁰ Знаменательно, что такой формульный текст с обращением к кукушке и недвусмысленно говорящий о цели кумления, содержится в обряде одного из районов, где могли проходить (или осесть) вятичи. Мы не склонны абсолютизировать сходство двух обрядов — с кукушкой и березой, не менее важны признаки, отличающие их друг от друга, в первую очередь такие, как места захоронения, соответственно — земля и вода, но, судя по всему, оба обряда связаны с переходными ступенями в возрастной группе девушек.

Следы какого-то половозрастного — девичьего — обряда, имеющего сходные черты с обрядами кукушки и березы, видны в ставшей уже в середине XIX в. детской игре «завивания ниток» (Ярославская губ., Ростовский у.). Игра, бывшая ранее «обязательной для всех взрослых девиц», состояла в следующем. Выбрав предварительно «куму», «подкумье» и «раскумье», девочки в неделю жен-мироносиц плели из определенного числа ниток (четного?) плетеницу, которую украшали своими лентами, и через нее попарно кумились — целовались. Затем кума и подкумье тайно вешали плетеницу на ягодный куст, прятали. В троицын день все покумившиеся искали плетеницу, снимали ленты и украшали ими березу. После совместного обеда кума брала плетеницу, подкумье — березу, и все шли к воде, где плетеница делилась между участницами («раскумье»? — раскумливание), и каждая пускала свои нитки по воде, гадая о судьбе. В течение «захоронения» каждая покумившаяся пара имела общую пищу; к обряду относилась какая-то песня о «куколке».⁸¹ Обычай кумиться существовал между девочками не старше 15—16 лет в троицу под песню:

— Ты кума *большая*
Я кума *меньшая*.

В ночь на понедельник они ночуют в отдельной избе.⁸² Описанные игры содержат подробности, которые при дальнейшем исследовании подобных половозрастных обрядов могут оказаться существенными для понимания содержания и смысла последних: обрядовая иерархия, функции участниц, совместная трапеза покумившихся пар. Во всяком случае они подтверждают наше предположение о том, что в основе кумления изученного и смежных с ним обрядов лежало ритуальное оформление переходных обрядов определенной половозрастной группы.

⁸⁰ ГМЭ, 1807, л. 5 об.—6.

⁸¹ Шейн, с. 802—803, примеч. и дополн.; Яросл. губ. ведомости, 1889, № 1.

⁸² ВГО, р. 41, № 64, л. 1, Тверск. губ., Корчевек. у.